

Н. М. Гилоева, *Вопросительные, неопределенные и обобщительно-определятельные местоимения в диалектах карельского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Петрозаводск 2004.*

На заседании диссертационного совета КМ 212.190.05 при Петрозаводском государственном университете 9 января 2004 года состоялась защита Натальей Михайловной Гилоевой кандидатской диссертации на тему «Вопросительные, неопределенные и обобщительно-определятельные местоимения в диалектах карельского языка», выполненной на кафедре карельского и вепсского языков факультета прибалтийско-финской филологии и культуры Петрозаводского государственного университета под руководством профессора, доктора филологических наук П. М. Зайкова.

В научных учреждениях Карелии (Карельский научный центр, Петрозаводский государственный университет, Карельский государственный педагогический университет) многие десятилетия ведутся серьезные академические исследования в области прибалтийско-финских языков Карелии и соседних областей, которые воплощаются в научные труды, литературные, диалектные словари и словари новописьменных языков, учебные и учебно-методические пособия для вузов, учебные комплексы по новописьменным языкам для школ, и, конечно же, в кандидатские и докторские диссертационные исследования. Тем не менее, диссертационный совет по их защите отсутствовал. И, наконец, в конце 2003 года в Республике Карелия был создан Ученый Совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Рецензируемая работа Н. М. Гилоевой была представлена на его первом заседании. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук Н. Г. Зайцева (Петрозаводск) и кандидат филологических наук С. Н. Терешкин (Санкт-Петербург).

Академическая прибалтийско-финская наука и практика жизни нуждаются

как в сравнительно-историческом и сопоставительном исследовании групп языков и диалектов, так и во всесторонних изысканиях, посвященных отдельным языкам и диалектам, которые и дают в последующем материал для серьезных теоретических умозаключений. В рецензируемой работе поставлена задача в синхронном срезе с элементами исторического анализа рассмотреть вопросительные, неопределенные и обобщительно-определятельные местоимения, которые встречаются в диалектах карельского языка. В ней приняты во внимание и некоторые явления в близкородственных языках, поскольку большая часть местоимений, по мнению автора, имеет общие финно-угорские корни (с. 5).

В науке существует мнение о том, что, с одной стороны, местоимения — это такая часть речи, которая предполагает наличие уже относительно высокого уровня развития языка (см., например, Л. Хакслин, Развитие и структура финского языка, часть I, Москва 1953, с. 68). С другой стороны, местоимения достаточно сложно выделить даже в особый лексико-грамматический класс, поскольку одни из них тяготеют к прилагательным, другие к существительным и даже к наречиям, что отличает их от иных, строго оформленных частей речи. В то же время, отдельные местоимения в финно-угорских языках, например, настолько древние, что можно предположить: именно они послужили строительной базой для лично-числовых окончаний глаголов. Все это свидетельствует о сложности категории местоимений в теоретическом аспекте. Существуют точки зрения, исключающие местоимение из списка частей речи. Так, А. М. Пешковский, выступая против объединения местоимений в особую часть речи, распределяет их между именами и наречиями, назы-

вая местоименными существительными, местоименными прилагательными, местоименными наречиями (А. М. Пешков и Сквир, *Русский синтаксис в научном освещении*, Москва 1956, с. 154—155). Известный финно-угровед К. Е. Майтинская, посвятившая местоимениям ряд работ, подробно излагает и полемику по поводу того, составляют ли местоимения особую часть речи (К. Е. Майтинская, *Местоимения в языках разных систем*, Москва 1969, с. 28), поскольку грамматически они достаточно разноплановы и могут быть объединены в одну часть речи, по мнению некоторых исследователей, более всего на основании лексического значения (см. например, М. И. Стеблин-Каменский, *Грамматика норвежского языка*, Москва—Ленинград 1956, с. 82—83.), которое, в свою очередь, финский языковед М. Айрила определяет не как материальное, а как формальное (M. Airila, *Pronominit. — Vir.* 1944, с. 302). В то же время количество и качество семантических групп местоимений, выделяемых исследователями в различных языках, неодинаково (где-то личные местоимения называют указательными, притяжательные местоимения выделяют в отдельную группу, а где-то включают в парадигму личных местоимений и т.д.). Это разнообразие подходов в отношении местоимения как части речи само по себе свидетельствует, с одной стороны, об особой его природе и, с другой, осложняя рецензируемое исследование, вынуждает молодого лингвиста глубоко вникнуть в языковую теорию, разобраться в ней и теоретически определиться. Таким образом, категория местоимений сложна для научных изысканий своей неопределенностью как в сугубо теоретическом аспекте, так и с точки зрения подачи и осмысления материала одного отдельно взятого языка. Принимая во внимание насущную необходимость исследования категории местоимений, которая диктуется и практикой жизни — новописьменный карельский язык нуждается в учебных пособиях для школ и вузов — выбор темы для рецензируемой работы следует признать удачным и своевременным.

Работа Н. М. Гилоевой включает три главы, введение, заключение, список использованной литературы и приложение из двух лингвистических карт. Во «Введении» (с. 3—19) излагаются особенности местоимений, как части речи. Следует подчеркнуть, что автор использовала обширную российскую (А. М. Пешковский, Ф. И. Буслаев, М. И. Стеблин-Каменский, Д. П. Валькова, М. А. Шелякин, К. Е. Майтинская, Д. В. Бубрих, В. Д. Рягоев, П. М. Зайков, Л. Ф. Маркианова и др.) и зарубежную литературу (М. Айрила, А. Пенттиля, В. Таули, Э. Итконен, Л. Хакулинен, М. И. Ларьяваара, П. Пальмеос, Я. Ыйспуу и др., список литературы — с. 139—145). Она подробно и четко изложила суть и противоречивость выдвигаемых языковедами мнений по исследуемому вопросу. В данной части введения общетеоретические проблемы категории местоимений рассмотрены с учетом особенностей финно-угорской семьи языков, к прибалтийско-финской ветви которой и принадлежит карельский.

Особое внимание во введении уделено истории исследования местоимений в карельском языке, начатое классиком финляндской языковедческой науки Арвидом Генетцом (A. Genetz, *Tutkimus Aunuksen kielestä*, Helsinki 1883). Именно он выявил и сделал первоначальную классификацию местоимений по семантическим разрядам, обратил внимание на особенности функционирования и склонения местоимений. Н. М. Гилоева излагает научные взгляды и других своих предшественников, которые так или иначе касались исследуемых ею проблем, критически их переосмысливает и извлекает рациональные зерна для собственной работы.

Теоретическое введение служит главной целью исследования, которая сформулирована следующим образом — определить разряды вопросительных, неопределенных и обобщительно-определительных местоимений, имеющих исторически общее происхождение, проанализировать их представительство и функционирование в карельском языке, провести семантический, исторический и отчасти синтаксический анализ (с. 4).

В первой главе «Вопросительные местоимения карельского языка» (с. 20—53) автор вслед за К. Е. Майтинской (Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков, Москва 1979, с. 187) утверждает, что в современных финно-угорских языках различаются две группы местоимений: простепенные и второстепенные. Вопросительные местоимения относятся именно к первой группе, которая вполне определилась уже в финно-угорском языке-основе. О важности группы вопросительных местоимений, ее главенствующей позиции говорит и тот факт, что вопросительные местоимения многофункциональны: они используются в качестве относительных, отрицательных и неопределенных местоимений, а также с помощью частиц от них образуются отрицательные, неопределенные и обобщительно-определяющие местоимения (с. 20). В главе представлены специфика, семантика, история развития группы вопросительных местоимений, а также их функционирование в диалектах карельского языка. Причем отметим, что данный раздел, как, впрочем, и работа в целом, достаточно богато иллюстрирован языковыми примерами из многочисленных диалектов и говоров карельского языка (карты-схемы диалектов и говоров даны в приложении, с. 147—148), которые подобраны из всех имеющихся, изданных в России и Финляндии, образцов карельской речи и фольклорных материалов, словарей, научных трудов, а также собраны автором, прекрасно владеющей своим родным языком (с. 4).

Во второй главе «Неопределенные местоимения в карельском языке» (с. 54—110) излагаются специфические особенности названной группы местоимений, их образование, семантика, склонение. Н. М. Гилоева замечает, что группа неопределенных местоимений в карельском языке представлена достаточно широко (с. 60), а большая их часть образована путем присоединения к вопросительным местоимениям различных аффиксальных и префиксальных частиц. Причем это могут быть частицы своего языка, восходящие по проис-

хождению к глагольным основам (-gi: *migi, kengi, kudaigi, kumbaŋegi, mittuinegi, miidnegi; -ki: kenki, miki; -go: kengo, migo, kudaigo, mittuinego* с. 62), аффиксальные и префиксальные частицы, заимствованные из русского языка (с. 62). Интересны местоимения данной группы с частицами глагольного происхождения: *-tahto, -tah (kentah, mitah, mittuine-tah, miidnetah, kudaitah), -lienöü, -lie (ken-lienöü, kudailiene, mittuineliene), -ollou (kenollou, miollou, kudaiollou* и т.д.), *-olgah (miolgah, kenolgah, kumbaŋeolgah* и т.д., с. 65—67). Отдельные среди них представляют собой кальки из русского языка, которые с течением времени превратились, по мнению автора, в местоимения (напр., *miolgah < midä ni olgah < что бы ни было*, с. 67).

Третья глава посвящена «Обобщительно-определяющим местоимениям в карельском языке» (с. 111—132). Автор отмечает, что их семантика довольно разнообразна и многогранна: они могут обозначать парные предметы (напр., *molommat* 'оба', *kumpiki* 'оба, и тот и другой'), идентичность (напр., *sama* 'тот же самый'), совокупность предметов (напр., *kaikki* 'все'). Среди них выделены группы консессивных, тотальных, противопоставительных, обозначающих схожесть или идентичность местоимений (с. 111—112). Автор представляет и особенности склонения и происхождения названной группы местоимений.

В «Заключении» (с. 133—138) делаются выводы. Н. М. Гилоева отмечает, что местоименный состав карельского языка, несмотря на ряд заимствований из русского языка, рассмотренных в исследовании, подтверждает точку зрения о консервативности местоимений. Их большая часть — это местоименные слова финно-угорского, прибалтийско-финского или карельского происхождения. О последних можно было в заключении сказать особо и показать их еще раз, ибо это результат самостоятельного развития карельского языка, его вклад в прибалтийско-финскую местоименную лексику.

Исследование Н. М. Гилоевой дает стройную картину избранных групп местоимений и в целом не вызывает

серьезных возражений, хотя имеются отдельные замечания. На с. 20 указано, что «от вопросительных местоимений образуются при помощи частиц отрицательные (!), неопределенные и обобщительно-определительные местоимения», и было бы логичным в круг исследования включить, кроме вопросительных, неопределенных, обобщительно-определительных, и отрицательных местоимения, поскольку они, как утверждается, связаны происхождением с исследуемыми. Игнорирование отрицательных местоимений представляется не совсем логичным.

Думается, можно было более целенаправленно проследить воздействие не только русского литературного языка на систему исследуемых групп местоимений, но и обратить внимание на севернорусские говоры, которые соседствуют с карельскими диалектами. Возможно, стали бы понятнее особенности образования местоимений по отдельным группам говоров и диалектов. На наш взгляд, следовало более активно привлекать и материалы вепсского языка, оказавшего серьезное воздействие на ливвиковский и людиковский наречия карельского языка. Вероятно, вопросительное местоимение *mitte* 'какой' (с. 52) попало в людиковское наречие карельского языка непосредственно из вепсского, в котором выпадения звуков представлены в различных фонетических позициях, а многие явления, судя по изложенной истории происхождения групп местоимений, протекали совершенно идентично.

Мы согласимся с автором, что префиксация практически не свойственна прибалтийско-финскому словообразованию, поэтому способ образования такого типа неопределенных местоимений,

как *kudaken* 'кое-кто', *kudami* 'кое-что', *kudamidägi* 'кое-чего' следует скорее считать словосложением, которое исключительно популярно, а не префиксацией, как это предлагается в работе, тем более что первая часть этого сложного местоимения прозрачна: это форма партитива от местоимения *ku* 'какой' (с. 68). Можно было более подробно порассуждать и об основах вопросительного местоимения *ken* 'кто': *ke-* и *kene-* (с. 43—44). Автор указывает, что оно обладает «двумя основами» (с. 43). Наверно, лучше использовать термин «два варианта основы», поскольку когда в прибалтийско-финской науке говорится о двух основах, то подразумевается двухосновность имен (и глаголов тоже) как наличие гласной и согласной основ. Названные два варианта представлены, например, и в вепсском языке. Чем вызвано это достаточно древнее явление, наличествующее и в родственных языках? На наш взгляд, следовало активнее привлекать материалы новописьменного карельского языка, подвергать их лингвистической оценке и давать характеристики, а также, исходя из изложенной теории, предлагать аргументированные рекомендации по правилам орфографии, которые находятся в настоящее время в стадии становления и развития.

В целом работа Н. М. Гилоевой представляет собой серьезное, зрелое исследование, ценный вклад в теорию местоимений. Оно, несомненно, будет востребовано прибалтийско-финским языкознанием, а также практикой сегодняшнего дня, когда, как справедливо отмечает Н. М. Гилоева (с. 4), школы и вузы ждут новых грамматик карельского языка.

Н. Г. ЗАЙЦЕВА (Петрозаводск)